

Как формировался Городской сад?

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", недавно отметило 10-летие своей плодотворной деятельности на отечественном рынке недвижимости. От всей души поздравляем с юбилеем его замечательных руководителей – Викторю Михайловну Старову и Валентина Константиновича Лобанова. По этому поводу и не без намека подверстываем "юбилейный материал", посвященный Городскому саду.

В канун 200-летнего юбилея нам фактически придется впервые написать внятную историю Городского сада, о прошлом которого на сегодняшний день имеются лишь отрывочные сведения, разбросанные в различных первоисточниках. В разное время встречаются следующие его названия: Публичный сад, Казенный сад, Одесский городской сад, Городской сад, Казенный городской сад, Дерибасовский сад, Дерибасовский городской сад, сад Лассалья и, наконец, анекдотическое сквер Джордано Бруно.

Чтобы получить четкое представление о том, когда, при каких обстоятельствах и на каких территориях сформировался Городской сад, надо, прежде всего, изучить первые генеральные планы Одессы. Если обратиться, например, к генплану 1803 года, представленному Александру I, легко видеть, что Ланжероновская улица как бы служит продолжением Херсонской (Пастера), и никакого расчленяющего эту важную транспортную артерию сада изначально не предусматривалось. В самом деле, и сегодня любой пешеход, следуя от перекрестка Пастера и Преображенской в сторону Оперного театра, пересекает Городской сад по оси Ланжероновской улицы, стремясь пройти на эту улицу кратчайшим путем. В начале позапрошлого столетия гужевой транспорт, поднимаясь в город с Пересыпи от будущей Херсонской заставы, мог тем же путем пересечь центр кратчайшим маршрутом и выехать на нынешнюю Таможенную площадь по Ланжероновскому спуску.

Характерна в связи с этим "ошибка" графа М.Д. Бутурлина, пушкинского знакомого, жившего в Одессе в 1824 году. В своих мемуарах он говорит о том, что одесский аристократический клуб помещался в доме на

Херсонской улице, хотя на самом деле клуб тогда функционировал в доме барона Рено, на углу Ланжероновской и Ришельевской. "Ошибка" легко объяснима: Бутурлины квартировали в доме генерала Пущина, на углу Херсонской и Дворянской, в одном квартале от Городского сада, а потому, следуя в клуб, молодой граф должен был пройти этот квартал, а затем пересечь Казенный сад по оси Ланжероновской улицы, каковую, естественно, принимал за продолжение Херсонской.

Но вернемся чуть назад, в интервал между 1803 и 1806-м годами. Тогда обстоятельства градостроительства на этом участке изменились в связи с тем, что младший брат

основателя Одессы, Феликс де Рибас, подарил городу примыкающий к его дому сад. Этот сюжет надо воспроизвести во всех деталях, ибо он и заложил основы формирования Городского сада.

В ходе раздачи городских земель под застройку и их переуступки в середине 1790-х годов Феликс де Рибас, в частности, оказался владельцем участков под номерами 689, 690, 694 и 695 в LXIV квартале Греческого форштадта. Известный историк А.И. Третьяк пишет о том, что изначально они вообще принадлежали Иосифу де Рибасу, а младшему брату его отошли после отъезда Иосифа в столицу в 1797 году (от себя могу прибавить: Феликс осенью 1794-го получил участки №№ 32-33, а другой брат де Рибаса, Андрей, — №№ 29-30 в V квартале; эти четыре участка практически покрывают собой территорию будущего Ришельевского лица, заключенную между улицами Дерibasовской, Екатерининской и Ланжероновской; комплекс этих строений впоследствии владел Вильям Вагнер, променявший на него свою гостиницу "Европейскую", о которой речь пойдет ниже). Некий отзвук того, что означенные места когда-то принадлежали Иосифу де Рибасу, находим в статье "Одесское заведение искусственных минеральных вод, 1829-1866 гг.", опубликованной в четвертом выпуске "Трудов Одесского статистического комитета" (1870, с. 180).

Ныне это часть Городского сада, ограниченная осью Ланжероновской улицы, Дерibasовской улицей, фасадами "Клара-бары" и дома де Рибаса (Дерibasовская, № 24), а с противоположной стороны — приблизительно аллеей, проходящей мимо "Кино-Уточкино" (в 1930-е — "Червоний залізничник", а далее — кинотеатр имени Маяковского). Что касается принадлежавшего Феликсу домостроения, то оно лежало на смежном участке № 686: подробная история этого дома изложена мною в очерке "Дом де Рибаса" (Олег Губарь. Старые дома и другие мемориальные места Одессы. Одесса: "Печатный дом", 2006, стр. 144-159).

Счастливым обстоятельством в истории Городского сада стало назначение одесским градоначальником и херсонским военным губернатором герцога де Ришелье, который и выбрал местом своего пребывания Одессу, сделавшуюся, таким образом, административным центром колоссального региона. Общеизвестно, как заинтересованно Дюк относился к вопросу озеленения безводной, голой Одессы, в которой от прежнего Хаджибея сохранилось буквально два-три дерева, по свидетельству современников, старых, чуть живых груш. Ришелье на свой счет выписывал саженцы и семена из Европы, ставил первые успешные опыты садоводства, разбив сад на своей даче в Водяной балке (Дюковский сад), трепетно ухаживал буквально за каждым зеленым насаждением. "Наряду с акацией, — писал профессор В.К. Надлер (1892), — герцог получил при своих опытах весьма удовлетворительные результаты с различными породами тополя, береста, ясени, а также различных кустарников, в особенности бузины и сирени, и, наконец, с некоторыми плодовыми видами, например, абрикосами и вишнями".

По сообщению того же В.К. Надлера (1893), при Ришелье "начато насаждение деревьев по улицам". В других первоисточниках прямо говорится, что Дюк обязывал домовладельцев высаживать деревья перед своими домами и ухаживать за ними. И действительно, на гравюрах второй четверти позапрошлого столетия видны, скажем, довольно высокие уже тополя вдоль Ришельевской улицы. Посетивший Одессу еще в самом начале 1820-х годов представитель Библейского общества британец Эдвард Хендерсон пишет: "Очень украшают город тополя, растущие по обеим сторонам улиц". Отдельные старые тополя дожили до конца прошлого века во дворах, примыкающих, например, к бывшему дому коммерции советника И.И. Фундукля, на углу улиц Пастера и Торговой, и др.

Есть основания говорить о том, что Дюк энергично помогал Феликсу де Рибасу обустроить сад в интервале между 1803 и 1806-м годами, когда тот де-факто был уже доступен горожанам, правда, не всем, а лишь из-

бранной публике. По убедительным выкладкам видного историка градостроительства Одессы В.А. Чарнецкого, первые деревья в этом саду Феликс и Иосиф де Рибас посадили "не позже осени 1796 года". Он же пишет о том, что по прибытии в Одессу Ришелье некоторое время жил в этом самом доме Феликса де Рибаса, а уж затем перебрался в небольшой дом бывшего полицмейстера Г.С. Кирьякова на пересечении будущих улиц Ланжероновской и Ришельевской, принадлежавший с 1802 года таможене. Кроме того, мы имеем прямое указание сына де Рибаса, Михаила Феликсовича, на то, что в изначальном оформлении сада принимал участие опытный садовод Иосиф Чижевич, отец известного впоследствии думца, служивший директором садов графа Потоцкого. При этом саженцы привозились из Тульчина. Внук Феликса, бытописатель А.М. де Рибас, утверждает, что саженцы доставлялись партиями из Умани, и что Ришелье собственноручно посадил тут несколько каштанов. Так или иначе, а к 1803-1806 годам определенные результаты садоводства были уже налицо.

Что касается подробностей передачи сада в дар городу, тут, очевидно, надо иметь в виду не один только благотворительный мотив. Дело в том, что материальное положение Феликса де Рибаса периодически, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Между прочим, он задолжал 3250 рублей за выполненные работы одному из строителей своего дома, известному зодчему Францу Фраполли. Известно, что 17 декабря 1800 года Феликс занял 1000 рублей "под залог разных драгоценных вещей и серебра", а супруга его, Октавия, взяла 1200 рублей "под залог пудренного дамского туалета, туалетной короны, большой серебряной лохани, двух подносов, соусных и других ложек и проч.". В июне 1802 года все эти вещи были выставлены на продажу, поскольку задолженность в срок не погасили.

Финансовое положение Феликса де Рибаса в это время было настолько сложным, что, продав дом на Дерibasовской (до 1811 года она именовалась Гимназской), он надолго уехал в свое имение Тузлы. Только в январе 1815 года он подал прошение на постройку другого дома, примыкающего к Городскому саду, — одноэтажного, на углу Малого переулка (№ 1, правый от ворот флигель) и Гаванной, на участке № 699 (как ни странно, этот патриархальный домик тоже стоит до сих пор!). Еще один дом де Рибаса, небольшой двухэтажный, 1819 года постройки, сохранился в начала Гаванной улицы, на ее противоположной стороне (№ 1). В этом доме останавливались Давыдовы, Раевские, Бутурлины, бывал Пушкин. Здесь де Рибас впоследствии и доживал очень скромно. А далее дом этот принадлежал фабрикантам слесарных изделий и волнистых штор Фрелиху и Бличи, по-

лучившим за свои произведения несколько медалей на Всероссийских выставках. Много позже, когда Феликс ушел из жизни (в 1845-м, на 77-м году жизни), его наследники вообще отказались от наследства, состоявшего из немалых долгов. Забавно, что даже в конце позапрошлого столетия где-то в семейных чуланах сохранялся так никому и не понадобившийся шелк в мотках, когда-то "выращенный" на фонтанской даче...

Похоже, кстати, что Иосиф не просто уступил брату вышеупомянутые участки в квартале между будущими улицами Преображенской, Дерибасовской и Гаванной, но получил за это в обмен для города те, которые затем использовались для казенных надобностей (упоминавшиеся выше места Андрея и Феликса де Рибасов №№ 29-32 в V квартале, между Ланжероновской, Екатерининской и Дерибасовской, где в конце XVIII столетия была построена резиденция главнокомандующего, а в 1804 году де Ришелье отдал оные здания коммерческой гимназии; при этом весь комплекс сооружений был оценен в огромную по тем временам сумму 77 тысяч рублей). Иначе трудно объяснить, почему Феликс запросто уступил столь выгодные участки, полученные в ходе межевания города.

Сложившаяся в 1806 году ситуация принудила Феликса продать упомянутый дом Конторе государственного коммерческого банка. Позже он также вынужденно продал всего за 3000 рублей предпринимателю Саламбье большую дачу с шерстомойней и "питомником шелковичных червей" на Среднем Фонтане. В некоторых источниках прямо сказано, что продажа городу дома на Дерибасовской улице была "не совсем добровольной". Как свидетельствуют архивные документы (описание технического состояния приобретенной министерством финансов недвижимости в марте 1807 года), на самом деле де Рибас продал два дома, первый из которых (Дерибасовская, № 24) был достроен, эксплуатировался меньше десяти лет, но уже требовал значительных починок.

Второй дом, находившийся на углу будущих улиц Дерибасовской и Гаванной, и вовсе не был окончен — у Феликса просто не хватило денег ни на ремонт, ни на достройку. (На плане города 1814 года на противоположном углу квартала, на участке № 686, по красной линии улицы Преображенской, виден дом, где позднее размещалась дипломатическая канцелярия, к которой был приписан А.С. Пушкин. Вероятно, это одно из служебных помещений при старом доме де Рибаса. На рубеже 1870-1871 годов на этом казенном месте, согласно контракту с городом, был построен дом популярного фотомастера А.И. Хлопонина.) Но это произошло много позже, а тогда, в середине 1800-х, де Рибас сделал вынужденно

широкий жест, подарив городу примыкающий к обоим его домам сад. Продажа этих садовых участков под застройку другим лицам была едва ли возможна не только по этическим соображениям (Дюк с огромным трудом озеленяет Одессу, а что же брат ее основателя: продает зеленый массив в центре под застройку?!), но и потому, что вряд ли могла кардинально поправить его финансовое положение. Очень может быть, акт дарения сада при продаже дома "в казну", как и в 1797-м, был даже заведомо оговорен на джентльменской основе. Впрочем, это лишь предположение. Как бы то ни было, а сад этот подлинно Дерibasовский.

Выдающийся историк Одессы середины XIX века К.Н. Смольянинов еще на рубеже 1840-1850-х разыскал в одном из дел (№ 74 за 1806 год; ныне многие документы, относящиеся к данному сюжету, находятся в Государственном архиве Одесской области — фонд 59, опись 2, дело 18 на 138 листах) местного Строительного комитета письмо отставного майора Феликса де Рибаса, препровожденное в комитет герцогом де Ришелье в конце ноября 1806 года. Привожу текст этого документа, впервые опубликованного Смольяниновым в 1852-1853 годах.

"Ваше Сиятельство, Милостивый Государь! Известно, что Ваше Сиятельство всегда желает при доставлении живущим в Одессе существенных выгод доставить и удовольствия.

Я, будучи равно с прочими обязанным Вашему Сиятельству и в знак того моего чувствования приемлю смелость покорнейше просить Ваше Сиятельство принять от меня без заплаты, навсегда, в пользу города сад мой, который при двухэтажном моем доме, состоит на Греческом форштадте, в LXIV квартале, под №№ 694, 695, 690 и 689.

*Вашего Сиятельства, Милостивый Государь,
всепокорнейший слуга Феликс де Рибас.*

Ноября (?) дня 1806 года".

А.М. де Рибас уточняет, что письмо это датируется 22 ноября, а 25 ноября Ришелье в бумаге за № 907 предложил Одесскому строительному комитету "принять сад де Рибаса в целостное соблюдение", причем поручил комитету "выразить жертвователю от имени герцога и граждан Одессы должное возблагодарение, и письмо майора (Феликс имел чин секунд-майора по гвардейской кавалерии, а его брат Андрей — премьер-майора, что соответствовало майору и подполковнику. — **О. Г.**) де Рибаса хранить в числе документов, в архиве строительного комитета". Смольянинов, впрочем, датирует предложение, направленное Ришелье комитету, 28-м ноября.

Изучение упомянутого архивного дела показывает, что письмо Фе-

ликса де Рибаса и в самом деле точно не датировано, однако четко обозначена дата его получения — 22 ноября. Следовательно, оно написано не позднее 21-го. Письмо Ришелье в Строительный комитет отправлено 28-го, а получено 29 ноября. Но самое главное — предположение о "не совсем добровольном" дарении сада находит документальные подтверждения. Прежде всего, речь идет о письме директора Одесской конторы учетного банка на имя Ришелье от 15 ноября 1806 года, в котором определенно сказано, что за де Рибасом числится долг 9850 рублей. Деньги же выдавались исключительно под залог дома. И при этом де Рибас "сделал, было, перепродажу в партикулярные руки после поручительства по векселю, но контора, узнав, сообщила палате о не совершении купчей, пока не будут внесены деньги по тому векселю". В письме военного коменданта Кобле градоначальнику от 17 ноября говорится о том, что дом де Рибаса надо принять в казну для размещения учетной и променной конторы. Из других бумаг видно, что долг де Рибаса перед банком будет вычтен при оформлении купчей. То есть домовладелец совершил, прямо скажем, неблаговидный поступок, и чтобы деликатно сгладить положение и не ударить лицом в грязь, вынужденно дарит городу обширный сад.

Следует подробная "Опись дому господина майора де Рибаса, состоящего на Греческом форштадте в LXIV квартале под № 686, 687, 688, 692, 691, учинена ноября 27 дня 1806 года" городовым архитектором Фраполли. То есть мы видим, что речь идет о двух угловых участках — близ Преображенской и близ Гаванной, — разобщенных садом. В реестре — двухэтажный каменный дом с большою залой и девятью горницами в верхнем этаже, небольшим чердаком, в нижнем этаже 11 покоев. Со двора к дому примыкают две галереи. Под домом каменный погреб на сводах в семь саженой длины и две с половиной ширины. "Между нижнего этажа ворота въездные", то есть, очевидно, меж основного здания и углового флигеля по Преображенской. "На дворе особо каменный домик людской": вероятно, на участках 687-688. Далее конюшня с 11-ю стойлами, большой каретный сарай, кухня, под сараем погреб для съестных припасов, два нужных места, "ворота въездные на дворе большие", ограда каменная вокруг двора по периметру сада. О недостроенном доме в описи нет ни слова. Впрочем, в другом документе, от 29 ноября 1806 года, подписанном самим де Рибасом, читаем: "под № 693-м, 692-м и 691-м дом не оконченный длиною десять, а шириною семь саженой (...) которого выстроен первый этаж, под ним погреб длины десять саженой, а ширины четыре сажени". Достроенный же дом имеет практически те же габариты: десять на семь

саженей. На плане города 1814 года на каждом из углов — по три строения (то есть дома плюс службы), на плане 1828 года конфигурация их несколько меняется.

Срок погашения векселя де Рибасом истекает 1 мая 1807 года. За оба дома ему следует 16500 рублей, из которых вычтут 9750 — те, что он задолжал банку. Так что положение его существенно не поправится. Дом примут по описи 6 февраля 1807-го. Но состояние его оставляет желать много лучшего: до самого начала 1809 года под началом Фраполли станут ремонтировать то печи, то оконные рамы, то потолки, то вставлять стекла и прочее и прочее.

Но все же вернемся к акту дарения сада. Что все это означало на практике? Кто с конца ноября 1806-го имел право распоряжаться садом от имени города? Со времени введения императрицей Екатериной II "Жалованной грамоты" от 21 апреля 1785 года "городское общество" в России признавалось юридическим лицом, с определенными правами и обязанностями. Городская дума — как инструмент общественного самоуправления — наделялась правом "ведать всем тем, что для означенного общества потребно, полезно и выгодно". Таким образом, любые решения об использовании, функциональном назначении тех или иных территорий Городского сада выносились общим собранием думцев, каковые в совокупности, получается, выражали чаяния своих избирателей. Так было на протяжении всех эпох его эксплуатации, и даже в советский период, хотя тогдашние решения, понятно, носили скорее формальный характер. Сегодня, естественно, не следует забывать то обстоятельство, что хотя сад и Городской, но в то же время он памятник садово-паркового искусства, то есть имеет особый статус.

После передачи сада городу Ришелье дальновидно пригляделся к смежным с подаренным садом земельным участкам и сделал заключение о том, что территория зеленого массива в самом центре юного города может быть значительно умножена за их счет. Во-первых, можно было использовать проезжую часть и тротуары целого квартала намечающейся Ланжероновской улицы, в промежутке Преображенской и Гаванной, а кроме того, "дворовые места", примыкающие к казенным зданиям со сто-

**Городской дом
по Дерibasовской улице,
где основалась фабрика в 1829 г.**

роны сада либо к таким же частным домовладениям, каковые могли бы отойти к городу в перспективе. Так было положено начало Городскому саду, разработана и поэтапно воплощена в жизнь стратегия его многолетней эволюции. И по этой причине площадь сада, вопреки сложившемуся некорректному мнению, в последующие годы увеличилась, по крайней мере, вдвое. Историк А.И. Третьяк упоминает, что в 1809 году "там высадили целые плантации деревьев, среди которых (...) преобладали белая акация и гледичия".

Что же представлял собой Городской сад в конце градоначальства Дюка? Некоторое представление об этом дает описание из "Опыта истории Новороссии", составленного протезе герцога де Ришелье, Габриелем бароном де Кастильо и Орос, известным в России как маркиз де Кастильо, в 1810-е годы. "Этот сад, — пишет французский исследователь, — обрамляла чугунная решетка. Он был достаточно вместительным для города, в котором все зажиточные люди имели собственные дачи в городской черте. Обращает на себя внимание одна особенность, присущая, очевидно, только этому саду, — помимо декоративных деревьев в саду произрастают и фруктовые, обильно плодоносящие каждый год". Вероятно, речь идет об абрикосовых, вишневых и шелковичных деревьях, культивированных самим де Ришелье. Впрочем, постепенно декоративные породы вытесняют плодовые. Так, армянский католикос Тавриды Минас Бжкянц (Минай Медичи) издал в 1830 году в Венеции путевые заметки, в которых, между прочим, упоминается и Одесса, в каковом описании есть такая фраза: "Прекрасен общественный сад в центре города, лишенный фруктовых деревьев".

Блистательно, как бы на мгновенье опережая Пушкина, повествует об "Одесском саде" будущий декабрист, а тогда юный гардемарин Н.А. Чижов (1823): "Мы входим в сад, и волшебное зрелище поражает наши взоры: воображаешь, что все народы собрались здесь наслаждаться прохладой вечерней и ароматнейшим запахом цветов. Рослый турок (...) предлагает вам вкусный напиток азийский, между тем как миловидная итальянка, сидящая под густой тенью вяза, перенесенного с берегов Волги, подает вам мороженое в граненом стакане (...). Толпы гуляющих беспрестанно встречаются с вами. Единоземец великого Вашингтона идет подле брадатых жителей Каира и Александретты; древний потомок норманнов с утесистых скал Норвегии, роскошный испанец с берегов Гвадалквивира, обитатели Альбиона, Прованса и Сицилии собрались, кажется, чтобы представить здесь сокращение вселенной (...). Можно сказать, что в России нет другого места, где бы мы нашли подобное зрелище (...)".

Немного позже у Казенного сада — как у средоточия общественных гуляний — появляется соперник в виде Приморского бульвара. Тем не менее, значимость их остается почти равнозначной на протяжении многих десятилетий, о чем упоминает Н.А. Авдеева (1832-1842), а британский путешественник Роберт Лайелл, посетивший Одессу еще до сооружения бульварного ансамбля (1823), пишет: "Будучи расположенными в центре города, городские сады очень украшают его и являются для жителей Одессы источником удовольствия. В субботние вечера, в теплое время года, они становятся местом гуляний, в которых участвует множество людей разных национальностей, одетых в самые разнообразные костюмы и говорящие на разных языках. Военный оркестр оживляет эти собрания, на которых присутствует к всеобщему воодушевлению сам генерал-губернатор. Парки эти не очень обширные; они ухожены и содержатся в порядке, но аллеи слишком узки". Вероятно, ирония Пушкина по поводу стихов В.И. Туманского, каковой более чем восторженно "сады одесские прославил", была все же несколько чрезмерной.

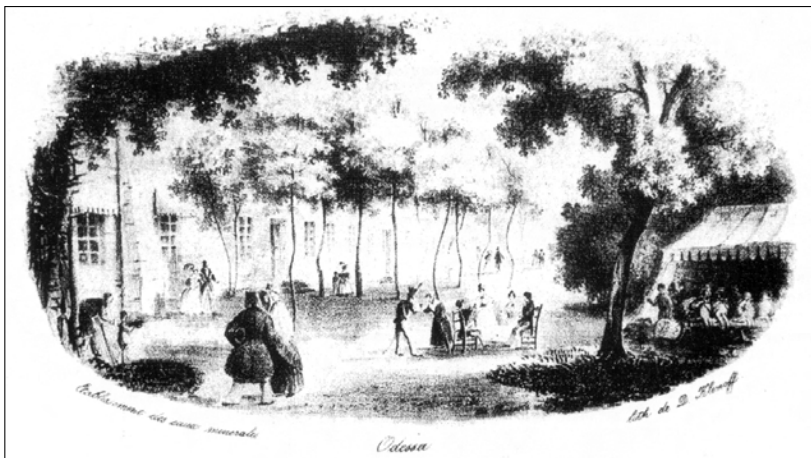
Итак, уже в самые первые эпохи существования Городской сад определил свое функциональное назначение как место общественных гуляний и увеселений. В свою очередь, подобная ориентированность предполагала явление музыкальных развлечений и, так сказать, предприятий общепита. Как видно из текста Н.А. Чижова, здесь производилась реализация мороженого и кофе. Р. Лайелл говорит и о военном оркестре. Известно, что подобные музыкальные коллективы исполняли на общественных гуляниях не только и не столько военные марши, сколько попури из самых известных опер, впоследствии — оперетт, народные танцы и песни. Военные капельмейстеры, как правило, сами создавали всевозможные польки, галопы, попури и прочие мелкие музыкальные формы.

В 1831 году известный уже в пушкинские времена ресторатор и кондитер Герман Кель (ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 280 и др.) взамен существовавшего с давних пор деревянного павильона, который он же арендовал у города, устроил в саду, под надзором архитектора Г.И. Торичелли, каменную кофейню (ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 324 на 151 листе). Угол этой кофейни, ее полотняный навес, выносные столики и почтеннейшая публика, расположившаяся в тени, видны на гравюре Карло Боссоли 1837 года. Что касается старого павильона кофейни, то он, судя по всему, существовал еще со времен де Ришелье. В противном случае его бы не отдали Келю на слом совершенно безвозмездно при строительстве нового сооружения.

В 1822-1823 годах Кель содержал кондитерскую лавку в доме графини

Ржевуской на углу Греческой и Ришельевской улиц. Он сотрудничал в это время с фирмой "иностранца Флорио и К^о", содержавшей в этом же доме кофейню, но желал открыть собственное кафе-кондитерскую (ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 9). Таковое заведение он и открыл в 1824 году в доме, принадлежавшем католической церкви, на углу Ришельевской и Поллицейской улиц (ГАОО, ф. 4, оп. 1А, д. 132). Эта кофейня числится и в реестре акцизных сборов за 1827 год (ГАОО, ф. 4, оп. 3А, д. 180). В 1832 году Кель с напарником Катани (в местной газете они именовались совладельцами "шоколадной фабрики") устраивали в Городском саду так называемый "Вокзал", по образцу столичных, а с 1834-го Келю разрешили давать здесь зимою балы. Летом он организовывал гулянья в Ботаническом саду, в котором по другому контракту с городом тоже выстроил павильон. Как сообщается в "Одесском вестнике", развлечения эти были, разумеется, платными, причем специально приглашался профессиональный музыкальный коллектив из Богемии "Бергкнаппен". Упоминавшуюся элитарную кофейню на Ришельевской Кель содержал много лет, а в 1852 году передал ее сыну, тоже Герману.

Тем не менее, кофейня Жана-Батиста Каруты на бульваре с самого начала и постоянно составляла Келю серьезную конкуренцию, уже хотя бы по самому своему приморскому местоположению. Мало того, Каруте дозволялось устраивать фейерверки над обрывами бульвара, а Келю нет — поскольку крытые дранкой ближайшие к Городскому саду дома могли возгореться. Короче говоря, Кель терпел серьезные убытки, и хотя ему

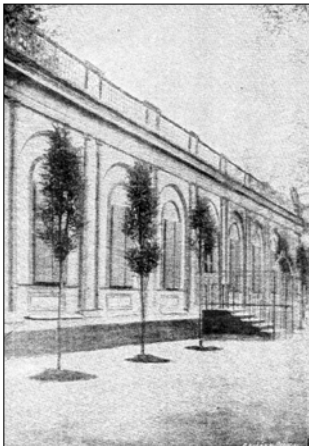

продлевали срок бесплатной эксплуатации кофеен в Городском и Ботаническом саду, каковая продолжалась в общей сложности 11 лет, он так и не сумел получить той выгоды, на какую рассчитывал, вложив в означенное предприятие не менее 14 тысяч рублей собственных и заемных денег.

Здесь уместно привести фрагмент мемуаров небезызвестного историка и статистика А.А. Скальковского "Одесса за 40 лет назад", написанных в самом конце 1860-х: "...собирались иногда, особенно охотники до мороженого, в городском саду под тенью великолепных каштанов (*marronniers*) и акации, собственноручно посаженных герцогом Ришелье, окружавших небольшой каменный павильон, где швейцарец Кель, отец нынешнего держателя "Европейской" гостиницы, устроил кофейню и даже комнату для чтения газет. Вокруг сада были только одни развалившиеся домики прежнего времени с одной, а два двухэтажные дома, купленные у адмирала де Рибаса казною, с другой стороны. В одном из этих домов помещалась так называемая променная контора, в другом, назначенном сперва для помещения генерал-губернаторской канцелярии, обитало несколько бедных чиновников, несмотря на пыль, грязь и развалины". Покупка, как мы помним, связана не с адмиралом, а с его младшим братом. Важно другое: упоминавшийся дом на углу Преображенской и Дерibasовской, где временно размещалась дипломатическая канцелярия генерал-губернатора, оказывается, был тоже двухэтажным, и уже на рубеже 1820-1830-х крайне ветхим, аварийным. Из других архивных дел (ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1910 и 1912), совершенно очевидно, что, по крайней мере, весной 1834 года этот обращенный к Преображенской флигель все еще стоял на прежнем месте. В конце концов, его разобрали, и возникло то самое городское пустопорожнее место, на котором сорок лет спустя построился Хлопонин.

Первым значительным стационарным учреждением Городского сада (небольшой каменный павильон упомянутой кофейни не в счет) стало Заведение искусственных минеральных вод, истории которого я посвятил довольно много места в той же книге "Старые дома и другие мемориальные места Одессы" (2006). А потому здесь изложу этот сюжет лапидарно, в контексте интересующей нас проблематики и с некоторыми существенными дополнениями.

Первое общее собрание акционеров этого Общества, основанного в 1828 году, состоялось 22 мая 1829-го. Стремясь помочь оной институции стать на ноги, граф М.С. Воронцов убедил городское самоуправление передать в вечное пользование акционерам тот самый бывший дом Феликса де Рибаса, что примыкал к Казенному саду. 4 ноября 1830 года бы-

Бывший курзал Общества

ла утверждена смета сооружению крытой галереи (курзала), примыкающей к дому со стороны сада. Строительство началось весной 1831 года, осуществлялось хозяйственным способом (поскольку не нашлось сторонних подрядчиков), а завершилось осенью 1833-го. Впрочем, при освидетельствовании работ военным инженером Морозовым и архитектором Козловым обнаружилось, что черепичная крыша течет, стены мокрые, штукатурка обваливается. Кроме того, получился немалый перерасход средств против заложенных в смету. Все эти обстоятельства сильно задержали пуск курзала (ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 321).

В 1834 году составлена "Опись дому с принадлежностями, занимаемому Заведением искусственных минеральных вод". Заведение просило об этом Одесский строительный комитет, дабы город убедился, что здание и службы находятся далеко не в лучшем техническом состоянии. В описи, составленной 16 мая, скрупулезно фиксируются все внутренние помещения (в первом этаже, в частности, помещалась химическая лаборатория, под нею — сводчатый погреб), двери, окна, вплоть до неисправных задвижек и треснувших стекол. Кроме того, упоминаются: сарай комбинированный, из дерева и камня с четырьмя жилыми покоем для слуг, каменный каретный сарай, при котором четыре жилых покоя, каменный погреб-ледник, два временных отхожих места. И все это, за исключением "новопостроенной галереи" (курзала), требует починки (ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1910).

В июне 1835-го при Заведении искусственных минеральных вод и вообще в Городском саду впервые появилось сносное "отходное место". Устроено оно было не кем-нибудь, а самим Г.И. Торичелли, причем "по словесному приказанию" М.С. Воронцова. Согласно смете об издержках, постройка обошлась в 487 рублей, каковые архитектору впоследствии вернули из сумм, назначенных Городской думой на исправление и содержание казенных зданий. В соответствующем архивном деле (ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2074) можно найти все подробности. Ямы рыли на глубину две сажени, а затем облицовывали пятивершковым камнем. В "нужном месте" устроили пять кабин, обили стены, сделали семь дверей, в том числе двое

входных в разнополюе отделения. Всё честь по чести, поскольку в Заведении пользовали немало представителей высшего общества.

Заведение реализовывало искусственные минеральные воды, имитирующие состав лечебных подземных вод лучших европейских курортов. Здесь лечились одесситы и приезжие. Курзал функционировал в теплый период много десятилетий подряд, его здание хорошо различимо на упоминавшейся гравюре Карло Боссоли 1837 года. В начале 1840-х при Заведении построили магазин с жилыми комнатами для персонала (ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 541), а в 1849 году прирезали дополнительный участок земли (ГАОО, ф. 895, оп. 1, д. 365; ф. 59, оп. 1, д. 3172). Из этого плана, между прочим, видно, что в саду почти не наблюдается регулярных аллей — в основном видны лишь довольно хаотические узкие тропинки меж почти сплошными газонами. Лишенных зеленых насаждений площадок очень мало. То есть, по крайней мере, в это время сад был весьма густ.

Как видно из контракта, заключенного городом с кондитером Германом Келем в 1831 году, он обязывался запира́ть сад после 22 часов, то есть сад был огражден. В 1834-м взамен существовавшей уже деревянной ограды была сделана каменная, причем полученный от разборки лес использовался как на месте, так и для ограждения "плантаций возле крепости" и "устройства пробного тротуара" (ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1912). Это было связано с жалобами самого Келя городской полиции и градоначальнику о том, что по вечерам и даже ночью сад наводнен "непотребными женщинами", творящими безобразия (ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 324, л. 52). В 1836-1837 годах под руководством архитектора Г.И. Торичелли вокруг сада устроили комбинированную стену, нижняя часть которой была из камня, а верхняя представляла собой пикообразные металлические решетки. В Государственном архиве Одесской области сохранилось несколько составленных по этому поводу Торичелли цветных рисунков — тушью и акварелью (фонд 895, оп. 1, д. 139, 141 и 297, ф. 59, оп. 1, д. 2172), в том числе с резолюцией императора Николая I (1837).

Впоследствии Общество искусственных минеральных вод приобрело комплекс строений в Малом переулке, которые граничили с Городским садом. Возникли имущественные споры с городским самоуправлением, приведшие к тому, что заведение оставило бывший дом де Рибаса и курзал. Тогда Общество пожелало хотя бы получить проход в Городской сад со стороны своего участка в Малом переулке — "для утреннего гулянья во время летнего сезона с 15-го мая по 1-е августа". Но тут возникло препятствие: слева, перед зданиями, принадлежащими Императорскому об-

ществу сельского хозяйства Южной России, на городской земле на основе аренды функционировал популярный кафешантан. Разумеется, лечебное заведение худо сочеталось с развлекательным, а потому город и отказал предпринимателям, давным-давно прочно вставшим на ноги и весьма успешно занимавшимся производством далеко не одних минеральных вод. Этот сюжет естественным образом перетекает в другой — связанный с историей соседней части Городского сада, а именно сооружений, принадлежавших Императорскому обществу сельского хозяйства Южной России, и смежной части сада, которая сдавалась в аренду под увеселительные заведения.

Что касается работ по благоустройству в 1820-1830-х, то в фондах Государственного архива Одесской области по этому поводу можно найти любопытные документы. Так мы знаем, что, например, в 1830 году под руководством городского садовника Ганса Германа в Городском саду производилась очистка всех дорожек, перекопка куртин, обрезка сухих веток, выкос травы, посадка 300 деревьев и кустарников, починка деревянных перил. Известны даже имена наемных рабочих, скажем, одесских мещан Ивана Подсолнохова, Павла Тищенко, Якова Белоусова, Павла Чубенко. Сторожем в эти годы состоял Влас Проточенко, за неграмотностью которого, получая ежемесячное жалованье в 25 рублей в месяц государственными ассигнациями, подписывался некто Кузьма Никитин, судя по всему, тоже наемный работник (ГАОО, ф. 59, оп. 2, д. 258). Подобные же работы осуществлялись и в начале 1840-х. В эту же эпоху для устройства дорожек в Городском саду специально закупался песок в колонии Люстдорф. Так, его завозили в 1831 году, а в 1834-м, когда цены на закупку значительно возвысились, заготовку песка отложили (ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 1938), возобновив несколько лет спустя.

Из плана Одессы, составленного Г.И. Торичелли в 1828 году, видна общая конфигурация расширившегося к тому времени Городского сада — такого, какой описан Н. Чижовым, Р. Лайеллом и другими современниками. Помимо участков, подаренных Феликсом де Рибасом, в его состав входят: весь "пассаж" от Преображенской до Гаванной, занявший проезжую часть и тротуары несостоявшегося квартала Ланжероновской улицы, а кроме того, "дворовые места" участков №№ 700, 701, 706 и 707, примыкающих к казенным зданиям со стороны Малого переуллка. По Преображенской сад окаймлен квадратным в плане домом князя Гагарина (участки №№ 704-705; ныне — территория библиотечного корпуса университета) и австрийского консула фон Тома (участки №№ 702-703; теперь — угловой дом работников морского транспорта, построенный в конце

1930-х). Участок этот изначально принадлежал городу и был отведен Павлу Гагарину в 1840-м (ГАОО, ф. 59, оп. 1, д. 2445). Со стороны Ланжероновской примыкающие участки застроены неплотно, и их "дворовые места", по сути, перетекают в сад. Курзала Заведения искусственных минеральных вод на участке № 687 еще нет. Нынешняя "Клара-бара" (участок № 688) застроена лишь частично — маленьким флигелем и нынешним правым двухэтажным домиком при входе в сад со стороны Преображенской, где теперь размещается магазин по реализации СД. Позднее этот дом и флигель сливаются в единую "клюшку".

Теперь об истории поселения в Городском саду Общества сельского хозяйства. Как и Общество искусственных минеральных вод, оно возникло в 1828 году, и так же, как и первое, пользовалось огромной поддержкой М.С. Воронцова, что и неудивительно, если учесть настоятельную необходимость хозяйственного освоения колоссального южного региона. Около четверти века оно занимало помещения в здании старой биржи (ныне — Горсовета) на Приморском бульваре, где помимо всего прочего размещались его природоведческие музеи. Положение Общества здесь становилось все более и более стесненным — с увеличением коллекций, библиотеки, тематических кабинетов, лабораторий и проч. В 1850-1852 годах ходатайства Общества возымели последствия, и ему отвели принадлежавший городу дом на территории Городского сада, в тылу Малого переулка. Поскольку взимаемая городом арендная плата была чисто символической, в 1853-м одесский градоначальник А.И. Казначеев с разрешения кавказского наместника, то есть М.С. Воронцова, передал все здание в ведение Общества. Приняв довольно скромное и ветхое строение 23 февраля того же года, ученые-аграрии уже в первые годы эксплуатации затратили на ремонт более 700 рублей, а далее, несмотря на ежегодные починки, ремонтные расходы все увеличивались.

Ветхий дом надо было капитально перестраивать или же разбирать и возводить новый, однако идти на это можно было, лишь заручившись долгосрочным правом пользования. Исходя из этого, Общество возбудило ходатайство либо о передаче дома в свою собственность, либо об отводе в долговременное пользование. 4 февраля 1858 года последовало "Высочайшее повеление" об уступке Обществу без торгов занимаемого им с 23 февраля 1853 года в Городском саду дома, принадлежавшего городу, за оценочную сумму 2400 рублей. Из оценки видно, что здание это было не только в дурном техническом состоянии, но и невелико. Что касается налога с этой недвижимости, то министр внутренних дел пояснил, что он

не будет взиматься до тех пор, пока дом не станет использоваться по назначению, то есть исключительно в рамках, очерченных уставом Общества. А вот если оно надумает передавать здание в аренду или же использовать с предпринимательской целью некорректно, тогда другое дело.

Теперь можно было затевать стройку. Для нас важно понять, где именно! На плане Торичелли на сопряжении упомянутых участков №№ 700, 701, 706 и 707 видно два строения, параллельных Преображенской улице. Но если одно из них продолжается до Малого переулка и выходит на фасад, то второе, совсем небольшое, как раз попадает в стык с нынешним летним театром филармонии, а именно этот участок Городского сада всегда и сдавался в аренду под увеселительные заведения. С другой стороны, на планах второй половины XIX века два домика, принадлежавших Обществу, вычерчены параллельными как раз Малому переулку. Это навевает мысль о том, что старое городское строение, переданное Обществу, было не перестроено, а выстроено наново, и при этом была изменена первоначальная его конфигурация.

Обстоятельства строительства таковы. Пришлось взять кредит в Приказе общественного призрения в 5000 рублей на пять лет под шесть процентов годовых. На постройку и отделку небольшого одноэтажного дома на цоколе и его внутреннюю отделку издержали более 6780 рублей. В результате Общество исходатайствовало рассрочку платежей в виду несостоятельности, а впоследствии, 13 ноября 1864 года, город вообще великодушно скостил остававшийся за аграриями долг. При этом строго оговаривалось лишь одно условие: дом остается за Обществом до тех пор, пока оно будет существовать, но в случае ликвидации здание переходит в собственность города. Ремонт и страхование строения должны, естественно, производиться за счет Общества.

Развернув в 1859-м строительство дома в Городском саду, Общество в то же время заключило с одесской купчихой Х. Фендерих контракт на постройку "на уступленном городом дворовом месте при доме для склада и продажи земледельческих орудий, с тем, что по прошествии 12 лет магазин поступит в собственность Общества без всякого вознаграждения". Вот цитата, хорошо иллюстрирующая, что же собственно представлял собой означенный магазин и — в какой "контекст" он вписывался: "Смело можно сказать, — написано в отчете Общества за 1859 год, — что подобного магазина с таким разнообразным сортаментом орудий и машин еще не было в России. Если к этому присоединить еще то, что он находится в центре города, в саду, в соседстве с лучшей гостиницею, где обыкновен-

но останавливаются помещики, что выбором машин непосредственно может руководить хозяев Общество, то само собою становится очевидным, что этот магазин будет иметь огромное влияние на распространение улучшенных орудий и машин в крае".

Идея устройства экспозиции (музея) сельскохозяйственных орудий была высказана секретарем Общества, известным впоследствии литератором П.Т. Морозовым, еще в 1832 году, но осуществляться стала гораздо позднее, после переселения ученых-земледельцев в Городской сад. Благодаря этой экспозиции сельские хозяева "начали делать заказы по виденным образцам" и, кроме того, "брать орудия на срок до 6-ти недель для временного испытания", то есть апробирования. Но когда Фендерих (фирма известна сначала как Беллино-Фендерих, а впоследствии как Беллино-Коммерель) в 1860-м открыла в Городском саду упомянутый магазин-выставку сельскохозяйственных орудий, собиравшаяся в течение десяти лет Обществом солидная коллекция была распродана.

Впрочем, и сельскохозяйственный салон госпожи Фендерих не выдержал испытания временем, поскольку город постепенно наводнили передовые орудия и машины таких известных зарубежных фирм, как Маккормик, Осборн и др. Она отказалась от выстроенного магазина не через 12, а через семь лет, в 1867 году, и "с 1 апреля 1868 года Общество начало отдавать его в наймы другим лицам". Кому? Разумеется, тем, которые специализировались на ресторанном и вообще развлекательном бизнесе. И при этом оно хитроумно сохранило не облагаемое налогом и использовавшееся по прямому назначению основное здание. Вспомните приведенную выше цитату о том, что салон этот строится по соседству с лучшей гостиницей, в которой обычно останавливаются помещики! Что же это за гостиница, примыкавшая к Казенному саду?

Окончание следует

